

ЧАРОИТ С ПИКА БАМ

Очерк

Кто из нас не болел какой-либо мечтой? В юности автор этих строк, например, помешался на покорении вершин, восхождения на которые совершал тогда, правда, только по картам. Помню 1957 год, выпускной вечер и собственную пылкую готовность идти сразу на все четыре стороны. Но мой взгляд почему-то задержался на Северном Забайкалье, где располагалась вершина с отметкой 2999 метров, самая высокая на хребте Кодар. И я дал себе слово взойти на нее.

Но отправиться на покорение помешала сначала учеба в вузе, потом женитьба, дети, работа... Планы отодвигались на неопределенный срок.

Так бы, пожалуй, и остались они не реализованными, если бы не строительство Байкало-Амурской магистрали, которая прошла в полусотне километров от пика. Я посчитал это счастливым предзнаменованием, переехал в село Чара и устроился на работу в редакцию газеты "Северная правда" — чтобы быть к мечте поближе. Вместе с заядлым туристом, председателем комитета по экологии и природопользованию, ленинградцем Сергеем Затуряевым мы дважды делали попытки восхождения на пик БАМ.

Но безрезультатно. В первый раз Сергей умудрился отморозить мизинец на ноге, во второй нас едва не накрыло лавиной: для восхождения выбрали неудачное время, первомайские праздники — как раз лавиноопасный период. И до вершины тогда не дошли всего полкилометра.

Через год сделали третью попытку. Прошли пять или шесть веревок — это метров 250 — и вышли к стене, которую разрезала вертикальная трещина. Сергей справедливо рассудил, что грех ею не воспользоваться, и через десять минут прокричал мне, чтобы я поднимался следом. Я сунулся было, но куда там! Трещина для меня

была слишком узкой. Решил сложное место обойти. Склон был опоясан карнизом — тоже очень узким, но если при движении прижиматься к скале, то попытаться можно. А там, похоже, подъем будет более пологим.

Я сообщил все это своему напарнику и двинулся в обход. И вот, на самом сложном участке, глянул вниз — и глазам не поверил. У левой ноги блеснул обломок камня голубоватого цвета. Спешно перебрал в уме свои университетские, довольно жиденькие знания по геологии. Азурит? Лазурит? Малахит? Флюорит? Или... чароит, полудрагоценный поделочный камень, который свое название получил именно из-за здешних мест. Но сюда-то он как попал? Ведь единственное известное месторождение этого минерала находится севернее пика километров этак на двести?

На дальнейшие размышления времени не оставалось, и я сунул находку в карман. В Чаре разберемся, тем более, что минералоги в Удоканской геолого-разведочной экспедиции есть неплохие. А карниз неожиданно выклинился, и я напрочь забыл о находке и вместо предполагаемых десяти минут на преодоление стенки затратил час.

А к обеду новая неожиданность: мы попали в обледенелый кулуар, или, иначе, коридор, одолеть который можно было лишь в триконях — горных ботинках с металлическими шипами — или с помощью “кошек”. Ни того ни другого у нас не было. А тут еще пошел дождь, мелкий, нудный, не обещающий в ближайшие часы даже кусочка синего неба.

Через три дня Сергею предстояло лететь в Ленинград, билет на самолет был куплен, и время поджимало. Пришлось возвращаться не солоно хлебавши. Отводя взгляды, мы клятвенно заверили друг друга, что уж в следующий раз... Хотя отлично понимали, что этого раза, скорее всего, не будет. Мне уже стукнуло сорок три, а у Сергея без меня инициативы не хватит.

Было это в 1983 году. Расстались мы с Сергеем, действительно, навсегда. Он вернулся в свой родной Ленинград, я — в Амурскую область. “Суум куикве”, как говорили древние. Каждому свое. Письмами друг другу не надоедали, — да и что вспоминать-то?..

Но мечта о непокоренном пике сидела занозой, и где-то в глубине души я надеялся, что будет еще одно восхождение. И вот однажды, во время командировки в Тынду, купил в киоске газету “БАМ” и залпом прочитал корреспонденцию Владимира Гузия “Лучше гор могут быть...”, в которой говорилось, что руководитель Куандинского туристического центра Виктор Рыжий сводил на пик БАМ группу читинских альпинистов. В заметке назывался адрес и данные восходителя: Куанда, школа, учитель физики... Я понял, что этот самый Рыжий — мой единственный шанс, что только с его по-

мощью смогу попытаться последний раз покорить злополучный пик.

Я сел за телефон, отыскал старых друзей, которые знали этого парня, написал ему. Уговаривал, умолял включить меня в состав группы, которую он в очередной раз поведет на пик. В свою пользу приводил действительные и мнимые аргументы, в которые впоследствии уверовал и сам. Обещал, например, даже дневалить на стоянках группы и мыть посуду: чего в горячке не наговоришь!

Положение усложнялось тем, что я был не один. На хребет Кодар собирался и десятилетний сынишка Артемка, которому я неосторожно пообещал, что возьму в горы, если он закончит третий класс без троек. Мальчишка свое слово сдержал, наступала моя очередь.

Ответ из Куанды мы с Артемкой ожидали с огромным нетерпением. И когда наши ожидания свелись было к нулю, в почтовом ящике мы обнаружили долгожданное письмо. На месте обратного адреса стояла внушительная аббревиатура — РВС. Поднаторевший в чтении Гайдара (старшего), Артемка восхищенно поинтересовался:

— Неужто Революционный Военный Совет?

— Рыжий Виктор Степанович, — расшифровал я, оттягивая момент вскрытия приговора.

Но когда конверт был распечатан, по квартире разнеслось искреннее “ура!” Рыжий брал нас в маршрут: меня — на вершину, Артемку — до базового лагеря. Такая раскладка устраивала обоих. И через несколько дней мы уже вслушивались в перестук колес нерюнгринского поезда, выговаривающих незатейливо: “На Куанду! На Куанду! На Куанду!”

Встретивший нас в Тынде старый товарищ Илья Тищенко выразительно покрутил пальцем у виска. И задушевно произнес:

— Старый дурак! Захотел на финише жизни приключений?

— Почему старый? — заволновался я. — Всего 53 лета...

— Погулял ты свое, Виктор Егорович... А Артемку с собой зачем берешь, в такой рисковый маршрут?

Сынишка кинулся на выручку.

— Проспорил он, дядя Илья. Сказал, что если я буду “хорошистом”, возьмет в горы. А первое слово дороже второго!

Посмотрев на радостного Артемку, Илья Андреевич только рукой махнул.

В куандинском поезде, на который пересели в Тынде, мы увидели целую группу альпинистов с огромными рюкзаками, ледорубами и забеспокоились: неужели все они — к Рыжему?

От Тынды до Куанды около тысячи километров — полсуток для

приличного поезда, но наш, как говорится, кланялся каждому столбу, и поездка заняла почти сутки. Однако вот и Куанда. Мы с Артемкой тут же взобрались на просторное крыльцо вокзала — чтобы нас не пропустили. Признаемся, чувствовали себя не очень, всерьез опасались, что не встретят, уж слишком нереальной выглядела ситуация. Но вот из толпы встречающих выбрался парень в штормовке, в шортах, с ниспадающими на плечи черными волосами. Куандинский Иисус Христос! Неужто Рыжий?

— Волчковы? — в свою очередь спросил он. — Пойдите здесь, вот только остальных встречу.

Как мы и предполагали, те, с рюкзаками приехали тоже к Рыжему.

Тут, пожалуй, несколько слов стоит сказать о Куанде, крохотной железнодорожной станции на северо-восточном участке БАМа. “В люди” она выбилась лишь потому, что в свое время неподалеку от этих мест произошла “золотая” стыковка западного и восточного направлений трассы века. Именно здесь один из “бугров” путеукладчиков, Саша Бондарь, пустил слезу по поводу столь примечательного события; растиражированный в тысячах копий снимок обошел многие газеты и журналы.

Выглядит Куанда вполне по-городскому, хотя жителей здесь около тысячи. Добротный каменный вокзал, пятиэтажные дома, трехэтажная школа — гордость поселка.

Все это радует глаз. И со всех сторон станцию окружают синие горы. А вы когда-нибудь видели поселок в обрамлении синих гор?

Как вскоре выяснилось, вчера Виктору Рыжему исполнилось 33 года (ну чем не Иисус Христос?). Он пригласил всех нас к себе, в трехкомнатную квартиру. Жена Виктора Наташа накрыла стол, на котором с прошлого вечера оставалась бутылка вина. Ее предстояло распить за знакомство.

После ужина шел долгий разговор, были пластинки с записями песен Визбора, Ады Якушевой, Юрия Кукина, Евгения Клячкина, был просмотр цветных диапозитивов о многолетних путешествиях по Кодару и Удокану известного в Северном Забайкалье восходителя — хозяина квартиры...

Следующий день ушел на окончание сборов. В рюкзаки укладывались спальные мешки, палатки, запасная одежда, рукавицы, носки, крючья, веревки, ледорубы, продукты... В общем, по пуду веса на каждого! И это без сухарей, сахара, разных там конфет, отнесенных к продуктам индивидуального пользования. А еще каждый мог взять некоторые личные вещи. Скажем, любимую книгу, шоколад или даже губную помаду. А сам Виктор Степанович прихватил подзорную трубу и определитель растений.

С последним связана целая история. Как-то однажды восходители разбили стоянку на плантации занесенного в Красную книгу рододендрона Редовского. И как группа ни аккуратничала, а площадка, где устанавливалась палатка, оказалась вытоптанной. После этого Виктор Степанович и пришел к мысли, что биологию должен знать каждый. Приходилось доучиваться на ходу.

В группе нас одиннадцать. Три инструктора-методиста по туризму: Виктор Соловьев и Галина Куракина из Куанды, Светлана Сологубова из Благовещенска; две куандинские старшеклассницы Надя Науменкова и Анжела Кустова; из Тынды — поэт Владимир Гузий, специалист “Бамстройпути” Галина Надышева и инженер лечебно-санитарной службы Нина Полетаева. Замыкали группу мы с Артемкой. Собрались люди разных профессий, пяти национальностей и, честное слово, нашей дружбе и единению позавидовал бы каждый.

Из Куанды уезжали на местном поезде. Он шел еще медленнее забайкальского, но часа через четыре приковылял-таки к разъезду Сакукан, на котором не было даже дежурного. Крохотное зданьице у подножия гор. На разъезде, кроме нас, никто не вышел. Отсюда путь — только в горы, и других охотников путешествовать по Кодару не нашлось. Видно, и цены на железнодорожный транспорт многим уже стали не по карману.

Мы вышли на старую заросшую дорогу, разрезавшую марь надвое, и началась проза жизни. Под ногами кочки, вода, в воздухе обилие комаров. Минут через пятнадцать шедший впереди Виктор Степанович объявил остановку.

— Мальчики налево, девочки направо, — скомандовал он. — Да подгоните ремни на рюкзаках, путь долгий.

Горы слева. Строгие, величественные. Дня через два познакомимся с ними вплотную... Впереди по маршруту лента зеленых зарослей указывает на близость Верхнего Сакукана. Не доходим до реки несколько сот метров и сворачиваем на морену. Встречающиеся валуны — гладкие, отполированные некогда спускавшимся сюда ледником. Идем “лежневкой”, сохранившейся с конца сороковых годов, когда в этих краях добывали уран. В Чаре, да и в других населенных пунктах района еще живут немногие, уцелевшие после тех сталинских лагерей, люди. Встречающиеся на пути бараки, конечно, полуразвалились, а вот “колючке” ничего не сделалось: разве что поржавела. Виктор Степанович прихватил с собой радиометр, на каждой стоянке снимает показания. Почти везде фон завышен в несколько раз. Местные жители к беспокойству туристов относятся снисходительно: век живут в этих краях и ничего. Дай-то Бог, чтобы это было действительно так!

— А вот и Марианна начинается, — смеется Виктор Соловьев, весельчак и балагур, душа группы. Несмотря на русскую фамилию, он татарин, телом сух и поджар, стремителен в движениях и ловок. Веса в нем не наберется, пожалуй, и шестидесяти килограммов, а рюкзак несет не меньше двадцати.

Я недоуменно спрашиваю:

— Какая Марианна?

— Ну, марь, — объясняет он. — С кочками, омутами, добавочными комарами...

Артемка строя не придерживается, идет то следом за Виктором Степановичем, то в середину группы затешется, то примкнет ко мне, замыкающему. Рыжий на него не в претензии, Артемка ведь самый молодой из нас.

Приподнятое настроение участников маршрута невольно передается и ему. Путешествует сынишка со мной третий год, кое-что повидал, держится на равных.

— Разве это комары? — цедит он на очередной остановке, куда слетелся гнус, кажется, со всего Забайкалья. — Вот у нас, в Зее, комары так комары! Напьется крови, летит, а крылья, как у орла, гнутся...

— Отец научил? — изумляется такому вранью Владимир Гузий.

— Сам придумал, — подмигивает Артемка.

Обычный ритм движения — 45 минут идем, 15 отдыхаем. Но на этот раз переход явно затянулся: уже перевалили на второй час, а о привале Рыжий, похоже, не думает.

— У него места остановок крапленые, — поясняет Виктор Соловьев. — Тянет до брода через Верхний Сакукан.

Речки в горах дикие, необузданные, падение уровня воды на километр пути — десятки метров. Одному через такую водную преграду не перебраться: собьет! Но Рыжий один и не думает переходить. Совещается с Соловьевым, оба сбрасывают рюкзаки, вырубают внушительную слегу, вступают в бушующий поток. Комель тяжелой лиственницы закинут метра на два выше по течению, руки — на плечах друг друга. Сейчас они представляют единое целое. Соловьев подпирает Рыжего, когда тот перекидывает слегу на метр-полтора поперек русла реки.

За переправой наблюдаем со стороны. Ребята разведывают путь и вернутся за нами. Преодолевать препятствие взрослые, конечно, будут сами, сгруппировавшись по трое, а вот Артемке, Наде и Анжелке потребуется помощь.

У Рыжего и градусник с собой — температура воды 12 градусов. За второй заход с Соловьевым они переносят на противоположный берег рюкзаки, за третий и четвертый — переправляют девочек.

Чувствуется, что оба, как говорят японцы, изрядно зазябли. Мы с Гузием решаем взять Артемку на себя. Он у нас посередине, во всем повторяет наши движения. В самом глубоком месте парнишку отрывает от дна, и, стараясь сохранить равновесие, он инстинктивно хватается за Володин рюкзак. Лямка не выдерживает, и рюкзак подхватывает потоком.

Подстраховывающие переправу, Рыжий и Соловьев выхватывают его из воды. Интересуются, не пострадали ли продукты, одежда? Гузий распаковывает рюкзак:

— Только брюки запасные подмокли.

— Ну и хрен с ними, — смеется Соловьев.

Правда, позже выяснилось, что пострадал еще и фотоаппарат, что донельзя огорчило Владимира Гузю.

На левом берегу речки и заночевали, палатку разбили у самого уреза воды. Долина уже сжата отрогами хребта, тропа единственная, по ней ходят и звери, и люди. Из людей — это туристы, а звери — преимущественно медведи. На их следы мы натыкались постоянно: то остатки помета встретятся, то развороченный муравейник попадется. Ну как тут не вспомнить недавнюю корреспонденцию собкора “Забайкальского рабочего” Анатолия Снегура под страшноватым заголовком “Медведь-людоед”? Анатолий Емельянович описал, как зверь расправился с двумя подростками. Кто знает, какими принципами руководствуются “хозяева тайги”, когда люди бесцеремонно вторгаются в их владения? Поэтому и разговоры невольно скатывались к медвежьей теме.

— На узкой тропе — совсем как наша, — вкрадчиво начинает Виктор Соловьев, — встречаются медведь с туристом. — “Ты кто?” — спрашивает мишка. — “Турист”. — “Нет, — поправляет медведь. — Это я турист, а ты — завтрак туриста...”

Не доходя метров десяти до вершины бюроканского ригеля, падает Ангела Кустова. Обморок. Нина Павловна Полетаева выхватывает из своего рюкзака какую-то таблетку. Кажется, валидол. Девчонка приходит в себя, но встать не может. Лежит на мху, в глазах слезы — подвела группу. К месту происшествия спускается Виктор Степанович.

— Ничего, Анжелка, — говорит он будничным голосом. — Со всяким случается. Просто рюкзак для тебя тяжеловат. Сейчас разгрузим.

И снова “пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог”. Окуджава или Киплинг? Кажется, второй. Каждый шаг отмечен капелькой пота. Вспомнилось чье-то утверждение, что даже в самом хорошем человеке 90 процентов воды. Во мне, похоже, больше. А тропа все круче тянется в гору.

— Ночевка сегодня будет выше, чем вершина во-он того пика, — кивает Рыжий на одинокий каменный палец.

По вертикали до него с километр. Неужели за день наберем столько высоты? Ни за что не осилить!

К середине второго дня пересекаем границу леса. Дальше идет горно-тундровая зона с ее оригинальной фауной и флорой. Непода- леку от нас важно прошествовала куропатка с семью малышами — птицы вели себя на редкость спокойно, не боялись человека. Непу- ганные. Время от времени раздавался своеобразный посвист, и Ры- жий пояснил, что это тарбаган — черношапочный сурок. Один раз на крупном валуне увидели этого забавного толстощекого увальня. Флора небогата: кустики шикши черной, несколько видов песчанок да камнеломок, из мхов — преобладание исландского и оленьего. В изобилии растут два вида рододендрона: золотистый и Редовского. Первый — с ярко-желтыми цветками и крупными, сантиметров пять длиной, вечнозелеными листьями; стволык второго — не выше десяти сантиметров, на вершине — крохотный красный цветок.

К вечеру третьего дня дошли, наконец, до озера, из которого вы- текает Бюрокан, он же Кодар, он же Кривой — в зависимости от выбора составителей карт. Но чаще все же употребляется название Бюрокан. Берега озера задернованные, подходящие для разбивки лагеря. Но невозмутимый Рыжий снова командует “подъем”.

— Это первое озеро, а стоянку разобьем под вторым, — говорит он. — Вообще-то я планировал остановиться у подножья пика...

Помогаем друг другу подняться — и снова вверх. До темноты предстоит набрать по вертикали метров сто. И откуда только силы берутся? Еда сверх-скромная: суп из магазинных пакетиков да чай. Только-только чтобы дышать. А мы ведь идем, работаем...

— Движение, да еще равномерное, это не работа, — утверждает Гузий. — Как и покой. Физику знать надо...

— А когда же работа начнется?

— За ужином!

Если бы не такие разговоры, не одолеть бы нам подъем ко второ- му озеру.

Уже смеркалось, когда достигли намеченной точки. Озеро во льдах. В ущелье темно. Подсвеченные лучами заходящего солнца перевалы Три Жандарма, Пионер, Сюрприз, Ленинградцев выгля- дят строго и неприступно. Может, это только вечером? Поражал во- ображение пик Безымянный, обрывающийся к озеру 600-метровой стеной.

— Давай его пиком Тында окрестим, — предлагает Рыжему Во- лодя Гузий. Столицу БАМа он, как истинный первопроходчик ма- гистралей, боготворит. — По-моему, название подходящее...

— Это так просто не делается, — отзывается шеф. — На него сначала надо подняться, и желательнее в лоб, вот по этой вертикали. А потом уже и называй как хочешь...

— Неужто можно взять эту вершину в лоб? — искренне изумляюсь я. — По такой вертикальной стенке? И сколько времени потребуется для этого?

Виктор Степанович прикидывает.

— Пожалуй, с неделю.

— Ну и сходили бы, — подзуживаю я.

Но, как всегда в разговоре с Рыжим, мимо! Оказывается, на пик БАМ они с Соловьевым зашли только ради Володи Гузия, с которым знакомы с десятков лет, и меня. Сами побывали на пике несколько раз, восхождение для них отработанное. Цель этого восемнадцатидневного маршрута иная: покорить пик Суровый, что находится в вершине речки Сюльбан. Похоже, на него еще не ступала нога человека, восхождение оценивается по четвертой—пятой категории сложности. В 1986 году на пике Суровом готовилось проведение Всесоюзных соревнований по альпинизму, но не получилось, подвела погода.

— И вы взойдете? — бестактно спрашиваю я.

— Трудно прогнозировать, не увидев вершину, — отзывается Виктор Степанович. — Но попробуем...

Отужинавши, Виктор Степанович рассказал об истории восхождения на пик БАМ, о самой вершине. До строительства “магистрали века” самая высокая точка Кодарского хребта исчислялась 2999 метрами. Потом она “подросла”: известный краевед Л. Пластинин называл высшую точку хребта Кодар с отметкой 3073 метра, по оценкам В. Преображенского — она составляла 2999,8 метра. И только с 1987 года на всех картах цифра однозначна — 3073.

Первые сведения о покорении вершины 3073 — относятся к 1963 году, хотя, как доказывает уже упомянутый Анатолий Емельянович Снегур из Чары, на нее поднимались и раньше. Первые известные покорители — читинские альпинисты под руководством А. Кузьминых. На правах первооткрывателей они дали ей название — Локомотив. Поздние восходители называли этот пик и Мраморным, и Кодаром, и дважды — БАМом. Но ни одно из названий почему-то не утверждалось, и пик долгое время считался безымянным, обозначался на картах цифрами 2999, 3072, 3073. И только в последние годы за ним закрепилось название “БАМ”.

Не теряя времени, руководитель маршрута показал (преимущественно мне, поскольку остальные члены группы с техникой скалолазания были знакомы в совершенстве), как пользоваться приспособлением для подъема “жумаром” и для спуска — “рыбкой” или

“лепестком”. А также узлами: “схватывающим”, “проводником”, “стременем”, — которые могли пригодиться при восхождении и спуске.

Выход наметили на пять утра, а потому Виктор Степанович заставил каждого из нашей шестерки (столько уходило на покорение пика) проверить подгонку грудных обвязок. Фирменной мне не хватило, и Рыжий принялся вязать ее из основных и вспомогательных веревок. Ему пришлось изрядно почертыхаться. Во время этой самой подгонки я ощущал себя в роли коня, на которого в первый раз надевают упряжь. Все не сходилось, жало, давило.

— Подбери живот, — командует Виктор Степанович. — Длины основной веревки чуть-чуть не хватает.

— Я уже подобрал, — отвечаю, заливаясь краской.

Виктор Степанович чертыхается, заменяет шнур широким ремнем. С ним чувствую себя получше, но не намного. Это здесь, на ровном... А на подъеме и спуске вся эта амуниция наверняка врежется в тело. Руководитель угадывает мою тревогу:

— Все будет хорошо, — успокаивающе говорит он. — А сейчас всем спать. Подъем будет ранним...

Я бы добавил: особенно для дневального. Ему необходимо встать на пару часов раньше всех, раскочегарить примус, который никак не хочет разгораться, и сходить за водой. А потом еще варка, мытье посуды...

В ту ночь перед восхождением дежурить выпало Свете Сологубовой. Но Володя Гузий — бамовский поэт и мой коллега по журналистике — поступил по-рыцарски. Встал в три утра, сварил завтрак, вскипятил чай и только потом разбудил Светлану и остальных.

Базовый лагерь покинули до пяти утра. Подножье пика в черной тьме, а вершины высвечены позолотой нарождающегося утра. Сейчас бы птичкам запеть... Но птички в лесу, а в горах с живностью проблема. Спускаемся к озеру, огибаем его по кромке потрескивающего льда. Но вот и оно позади, идем по выложенному ледником руслу. По обе стороны крупноглыбовые осыпи. Пик где-то справа, в заоблачном поднебесье.

Есенин говорил: “Большое видится на расстояньи”. Но только попав в самое сердце хребта Кодар, я всерьез понял неистовое стремление чарских экологов создать в этих краях природно-исторический национальный парк. Здесь впечатляет все: и крутосклонный альпийский тип рельефа, и многокилометровые наледи, и внушительные водопады — по несколько сот метров. А самая отличительная особенность северного Забайкалья — наличие современного оледенения: на сегодняшний день здесь насчитывается 39 ледни-

ков... Уникальна фауна и флора. В горах водятся горный баран и кабарга. За один выход на Кодар, если повезет, конечно, можно набрать приличное количество целебного лекарственного образования — мумие. А на узких карнизах берегов ключей и речек в изобилии растет золотой корень — так местные жители называют родиолу розовую. Красиво смотрится расположенное у подножья Кодара знаменитое урочище Чарские Пески. В длину оно около 15 километров, в ширину — три—четыре. Пятидесятиметровые барханы, поющие пески — все впечатляет. Среди урочища, ставшего любимым местом отдыха жителей районного центра, есть озеро Красавица, из которого вытекает ключ Аленка...

Но вернусь к маршруту... До скального участка идем не связываясь, каждый отвечает за себя. Но вот осыпь позади, начинается стенка. Первый участок окрещен почему-то “Серпом”. Чтобы скрыть нарастающее волнение, пытаюсь острить.

— А “Молот” будет?

— Будет, будет, — “успокаивает” Виктор Соловьев. — За два дня восхождения намолотимся...

Виктор Степанович дает последний инструктаж.

— Очень прошу быть поаккуратнее с камнями, — чуть-ли не умоляюще говорит он. — Старайтесь оставлять их там, где они лежат...

Это понятно: подъемы осуществляются по трещинам и кулуарам, а падающие сверху камни выбирают тот же путь.

Связываемся по трое. Виктор Степанович, естественно, идет первым, в середине Светлана Сологубова, замыкающим — автор этих строк. Другую связку возглавляет Виктор Соловьев. Техника движения у ребят отработана с точностью до миллиметра: Рыжий уходит вверх на всю веревку — 50 метров, закрепляется там и с верхней страховкой помогает подниматься другим. И так много-много раз.

Вспомнилось: кочевые якуты или эвенки, например, никогда не скажут, что до того или иного места осталось столько-то километров. Они выразятся иначе: “четыре поворота реки”. А за сколько их одолеете — дело ваше. В чем-то схожа и альпинистская терминология. Восходитель не скажет: “До вершины сто—двести метров”, — для него это “несколько веревок”.

Оба Виктора в горах чувствуют себя как дома. Маршрут проходят красиво, словно законы тяготения на них не распространяются. Одним словом, профессионалы. Открытие при крохотной, в общем-то, станции Куанда крупного туристического центра для учащих и преподавателей “Бамстройпути” — их заслуга. Многим сотням туристов передали они свой опыт. И не только своим, читинским,

но и амурским тоже. Идущие с нами в связках Светлана и Галя — подтверждение этому. Кстати, на их счету два трехтысячника северного Забайкалья: пики Солнечный и Москва.

— Веревка свободна! — кричит сверху Виктор Рыжий. Он поднялся на ее длину, закрепился и теперь ожидает нас.

— Иду! — отзывается Светлана.

Левая рука скалолазки на жумаре, правая — на схватывающем узле. Жумар продвигается только вверх, вниз автоматически стопорится. Вроде бы просто, но в горах и двух схожих ситуаций не бывает, каждая — нестандартная. Надо быть готовым к неожиданностям.

С утра подъем, с утра
И до вершины бой...

Монотонность движения несколько расслабляет. Или это просто от нехватки опыта? Но раздавшийся сверху острый, как нож, крик: “Камень!” — вмиг переносит в суровую реальность.

Булыжник сорвался из-под ноги Виктора Рыжего. Винить шефа не за что: каждый камень на Кодаре “дышит”, неосторожное движение — он сразу летит вниз. Размер этого — с футбольный мяч, летит — ну, прямо в меня! Все инструкции, как держаться в таких случаях, мигом вылетели из головы, и я буквально ввинчиваюсь в стену. Камень проносится в каких-то сантиметрах. Интересно, выдержала бы каска его удар, если, не дай Бог... Впрочем, может быть, и выдержала бы, но вот голова — едва ли...

Напротив пика — безымянная вершина, которую походивший по горам Алтая и Тянь-Шаня Володя Гузий окрестил Пумори (есть такой спутник у знаменитой Джомолунгмы). Ее высота — около 2800. После каждой веревки невольно бросаешь взгляд в ту сторону. Двенадцатый час подъема, а мы только-только вышли на уровень ее вершины. Значит, до макушки пика БАМ еще триста метров по вертикали. А ноги гудят, в руках уже нет прежней силы и цепкости.

— Ка-амень! — доносится сверху.

Оказывается, и силы есть, и бдительность не ослабла.

Выходим на снежник. Крутизна небольшая, градусов под сорок будет, сложности этот участок не представляет. Место нашим Викторам знакомо, поднимались когда-то этим путем. Не желая повторяться, ребята решают пробиться к северному склону. Соловьев доходит до края полки и огорченно присвистывает. Вверху стометровая скальная стена, внизу — двухсотметровая пропасть. Нет, этого участка группе не одолеть, хотя Соловьев оценивающе прикидывает неровности стенки. Наверняка они с Рыжим поднялись бы в лоб!

Но делается поправка на нас с Гузием. Группа уходит по полке, чтобы отыскать подходящий для подъема кулуар.

Не от чрезмерных щедрот, а в силу необходимости Соловьев выдает нам граммов по пятьдесят сомнительного на вкус сыра и по паре крохотных витаминок. Но разве этим утолишь голод? “Нам бы ногу оленя и по буханке хлеба бы, только вот, к сожалению, ничего у нас не было”, — писал как-то заядлый турист из Новосибирска Борис Колпаков.

— Ужинать будем на вершине, — успокаивает Рыжий.

Ловлю себя на том, что все чаще смотрю вверх. Но вершина не приближается. На фоне фиолетового неба она кажется все такой же далекой и неприступной.

Снова сложный участок, снова навешиваем “перила”. Какие они по счету? Двадцатые? Тридцатые? Счет давно потерян, чувство опасности притупилось. Успеем ли мы засветло добраться до вершины?

А стенка заканчивается очередным снежником, который снизу казался крохотным носовым платком. С трудом нахожу место базового лагеря: установленная там пятнадцатиместная шатровая палатка “Тайга” кажется отсюда не больше монетки. Где-то там остались члены группы, мой Артемка. Из лагеря, наверное, мы кажемся не больше муравьев, если вообще различимы.

Крутизна внушительная, достаем ледорубы, летят вниз крошки льда, снега. На чистой снежной поверхности вижу каких-то жучков и бабочку. Первым, похоже, и холод нипочем, маршируют по снегу вверх-вниз. А вот бабочка едва жива. Ее-то каким ветром сюда занесло? Страховки хватает, чтобы дотянуться до крапивницы, обогреть в ладонях, подкинуть вверх. Может, выживет?

Первая связка ушла вверх с час назад, от нее ни слуху, ни духу. Наверное, участок сложный попался. У подножья снежника застряли лишь мы со Светланой. Она чем-то смахивает на Виктора Соловьева — такая же непоседливая, азартная: кажется, разреши ей штурмовать в лоб вот эту стенку — и, ей-Богу, пойдет!

Крохотный валун на трехкилометровой высоте с наброшенными на него страховочными петлями, конечно, не самое лучшее место для разговора. Но не стоять же молча!

— Светка, — говорю я. — А на “гражданке” ты чем занимаешься? Ну, там, внизу, на работе?... Кроме своего инструкторства по туризму? Есть какое-нибудь хобби?

Если бы я не был подстрахован, наверняка после ее ответа свалился бы в пропасть.

— А на рынке торгую, Виктор Егорович, — усмехнулась она. — Знаете, азарта не меньше, чем в горах. Острота ощущений схожа...

Кто кого? Или я покупателя, или он меня.

Ошарашенный такой откровенностью, я не сразу нашелся с продолжением разговора.

— Каждому свое! — усмехнулась Светка и ушла вверх по склону. Легко, непринужденно, красиво, раскованно. Я приготовился было тоже начать подъем, как сверху донеслось:

— Повремени, Егорыч, всем тут не уместиться...

И снова томительные минуты ожидания. От ушедших наверх никаких известий. И если бы не уходящая в поднебесье страховка, все происходящее казалось бы сплошной ирреальностью...

Наконец-то!

— Веревка сво-о-бодна!...

Вбиваюсь в вырубленные ребятами ступени, помогаю ледорубом. Снежник заканчивается кулуаром, крутизна которого градусов под восемьдесят. Понимаю, почему так долго задержалась здесь группа. Снегу по пояс, влага проникла даже под куртку.

Метрах в пятнадцати над собой вижу подстраховывающего меня Рыжего. Настроение сразу улучшается. Правда, до него еще добраться надо, но это, как говорится, дело техники. К тому же, последнему подниматься легче, чем первому.

— А ребята уже на вершине, — буднично говорит Виктор.

Уже? Неужто одолели? 36 лет мечтал я об этом мгновении, и вот оно наступило! Сбылась, как говорил Бендер, мечта идиота. Хотя, постойте, если человек осознает, что он дурак, то он уже не дурак. И моя "идиотская" мечта все же заслуживает уважения. Оказывается, все осуществимо! Жаль, что в юношеские годы я не захотел, к примеру, стать министром финансов... Хочу поделиться переполнившими меня чувствами с Рыжим, но он примостился на таком крохотном пяточке, что мне и ногу поставить некуда.

— Кулуар выходит к вершине, — объясняет Виктор. — Ребята уже там...

Сам он на пике уже четвертый раз, азарта у него поубавилось. Да и я, признаться, подрастерял его на полках, в трещинах, каньонах... И все же тороплюсь наверх. Натыкаюсь на брошенную первой связкой веревку: последние метры перед вершиной пологи, можно обойтись и без страховки. Вижу фотографирующихся ребят.

— Егорыч, скорее! — машут они руками.

Пытаюсь разобраться в своих ощущениях. Четвертая попытка завершилась победой! Отлично понимаю, что без двух Викторов — Рыжего и Соловьева — мне бы пик не одолеть, но я ведь тоже был один на один с веревкой, со стенками, со льдом и снегом, с трещинами и кулуарами. Не-ет, и мы не лыком шиты!

Соловьев и Галя Надышева одаривают нас праздничным ужи-

ном: каждому по шоколадке, граммов по пятьдесят халвы и по несколько конфет. Роскошь! Соловьев приготовил каждому по паре закопченных гольянов — специально припас для пика. Есть хочется зверски. Ловлю себя на том, что запихиваю в рот шоколадку вместе с рыбкой...

Щелкают фотоаппараты, которые оказались почти у каждого... Вершина в крупноразвалистых глыбах, площадка ее примерно десять на десять метров, и установлена здесь четырехугольная пирамидка из полых дюралевых трубок. Отыскиваем под пирамидкой консервную банку с вложенной запиской предыдущих покорителей пика. Это трое ребят из Комсомольска-на-Амуре: И. Бенедык, Е. Загородний и Р. Храмцов. Записку забирает Виктор Степанович, для коллекции. Взамен оставляем свою. Вот ее текст: "Группа в составе шести человек: В. Рыжий, В. Соловьев, Г. Надышева, С. Сологубова, В. Гузий и В. Волчков поднялись на пик 19 июля 1993 года по восточной стене. Спускаемся по гребню в сторону озер. Всем удачи!" Еще мы с Гузием оставляем на пике по газете, в которых сотрудничаем. Он — многотиражку "БАМ", я — "Амурские вести".

А в голове появляется мыслишка: может, попытаться уговорить Рыжего заночевать на вершине? Площадка есть, погода нормальная. Но шеф пресекает даже мысли о таком варианте.

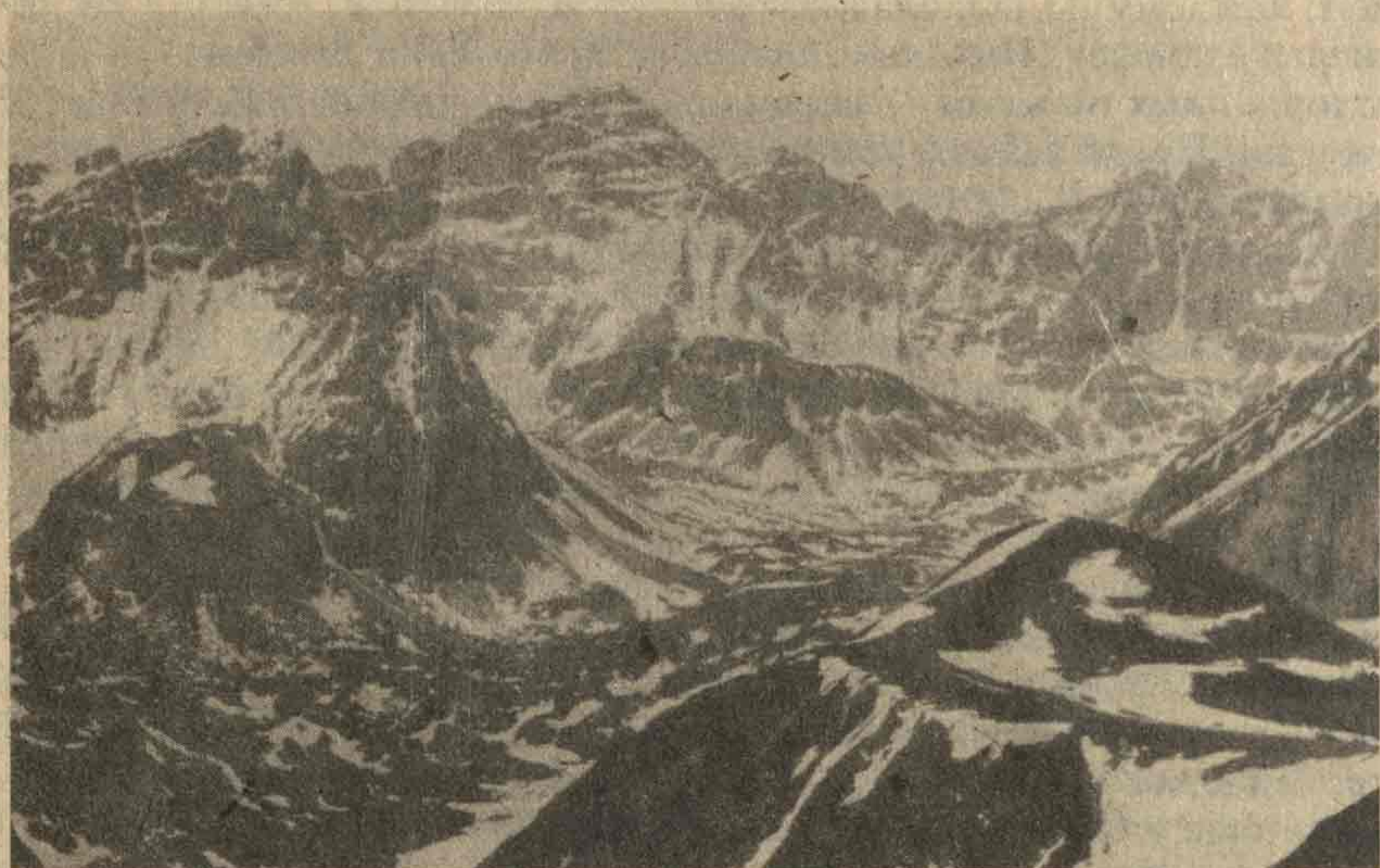
— Через полчаса уходим, — говорит он. — И еще. Если будем так же медленно спускаться, как поднимались, то завтрашнего дня не хватит, чтобы добраться до лагеря.

Гузий на этот демарш откликнулся четверостишием:

И нет здесь ничего,
Ни золота, ни руд,
Здесь только и всего,
Что Рыжий очень крут...

Виктор Степанович по-прежнему на самом трудном участке. На восхождении шел первым, на спуске — последним. Первую веревку, где спуск выполнялся по некрутой осыпи, разрешил идти на скользящем узле. Так быстрее, хотя риск возрастает. Но если на восхождении в некоторых местах я пренебрегал даже страховкой, то сейчас вдруг стал намного осторожнее — неистово захотелось жить. И спускался на более надежном "схватывающем" узле.

Техника спуска тоже в теории несложна. Рыжий осматривает предполагаемую трассу спуска, кидает вниз веревку, по которой тут же "ныряет" Виктор Соловьев. Окончательное слово за ним. Вот и на этот раз он прокричал снизу, что на полке, пожалуй, можно устроиться на ночлег.

На снимках: вверху — пик БАМ; внизу (слева направо) — Светлана Сологубова, Галина Надышева, Владимир Гузий, Виктор Соловьев, чьим именем через год будет названа одна из вершин Южно-Муйского хребта, и Виктор Волчков.

Полка — она и есть полка: длиной метров в восемь и шириной в полтора. Чтобы разместиться, предстоит повкалывать. Выравниваем площадку, крупные валуны сталкиваем в пропасть, мелкими устилаем место бивака. Каждый прихватил с собой пуховый спальник, замерзнуть не должны, хотя головы будут покоиться на ледяном торосе. Для безопасности натягиваем страховочную веревку, к ней на время сна надо пристегнуться карабинами.

Кашеварил опять же Володя Гузий, за что я бы ему поставил памятник. Разжег примус, сварил кашу. Объявил, что это манка, хорошо бы для вкуса добавить в нее по ложке сахара. Сахар и сухари у каждого с собой. Выполняем совет повара, съедаем ужин без остатка. И только на последней ложке разбираемся, что вместо манки в котел было засыпано картофельное пюре. А мы его — с сахаром...

Утро начинается спуском с сорокаметровой стенки, имеющей к тому же отрицательный угол. Ушли вниз Соловьев, Светлана, Галина Надышева. Пристегиваюсь к основной веревке и я, креплю “рыбку”, вяжу схватывающий узел. Теперь следует развернуться спиной к пропасти, оттолкнуться и...

Вроде бы все просто, но оказывается, в первый раз решиться на такое трудновато... Теряю несколько секунд, перебарываю неприятные ощущения под ложечкой...

И — о чудо! Скольжу по веревке, регулируя скорость с помощью “рыбки”. Вес мой с рюкзаком, наверняка, за сотню, веревка после ночевки обледенела, скорость скольжения спуска нарастает. Верхонки нагреваются и обжигают руки. Резко стопорюсь на схватывающем узле, и меня несколько раз разворачивает вокруг веревки. Крутятся, как в калейдоскопе, перевалы Три Жандарма, Преображенского, Сюрприз, Пионер. Над головой — фиолетовое небо, вокруг панорама вздыбившихся пиков. Посередине всего этого я. Ощущаю радость и восторг от происходящего...

Минуты через три я присоединился к уже спустившимся ребятам. Виктор Соловьев оценил мою технику спуска коротко: “Молодец!” Всего раз похвалили за маршрут, а я так и не понял, за что... Кстати, и дальнейший спуск был достаточно сложным. Девчонки весь маршрут проходили блестяще, оба Виктора просто профессионально, и только мы с Володей Гузием несколько не вписывались в этот ансамбль.

Но вот и последняя веревка позади, началась осыпь. По ее понижению протянулся снежник, уходящий в долину. Перебираемся на него и, регулируя скорость ледорубами, летим вниз по рыхлому снегу. Неожиданно ловлю себя на чувстве обиды к Виктору Степановичу, который почему-то не поздравил нас с покорением вершины. Лишь много позже я узнал, что 90 процентов всех ЧП и нештат-

ных ситуаций происходит именно на спусках. Видимо, поэтому Рыжий и решил с поздравлением повременить.

Наконец-то мы на твердых обетованных камнях древней долины ледника. И тут РВС, улыбнувшись, приказал нам построиться, тут и поздравил с покорением пика БАМ.

Краснея от чувства неловкости, я пролепетал слова благодарности в адрес шефа.

— Все хорошо, Егорыч, — ободряюще говорит он. — До будущей горы!

А в базовом лагере нас ждали с нетерпением. Артемка покровительственно похлопал меня по плечу: нормально, мол, батя! Нина Полетаева, Галя Куракина, Надя Науменкова и Анжела Кустова исхитрились испечь на примусе шоколадный торт, сварили какао. Приступать к торжественной трапезе небритым было совестно, и я, прихватив кружку горячей воды, направился к озеру. Привел себя в порядок, повернул к палатке. И увидел на обломке скалы плачущую Галю Надышеву. Что ж, каждый выражает эмоции по-своему.

... Расставаться всегда грустно, а в горах — тем более.

Дальнейший маршрут группы — на пик Суровый, а нам с Артемкой — в Чару. Так уж получалось, поджимало время. Подружившись за пять дней маршрута, Володя Гузий и Артемка обмениваются на прощание колкостями. С нарочитой одобрительностью Гузий говорит, что с таким мужиком, как Артемка, он пошел бы в разведку.

— А я бы с вами, дядь Володя, в контрразведку, — парирует сынишка.

Гузий смеется.

— Сам придумал?

— Батя научил...

Зная мое пристрастие к минералогии, Светлана протягивает на ладошке голубоватый осколок, в котором я узнаю чароит. Она нашла его у самого подножия пика. Усмотрела как-то среди камней! Видно, есть чароит на БАМе, хоть снаряжай экспедицию на его поиски.

Наш выход с гор растянулся на пять дней. В поселке разыскали уже упоминавшегося Анатолия Снегура, — собкора "Забайкальского рабочего", — который тоже увлекается горами. Он сразу понял, что последние продукты мы съели дня три назад, а потому выставил на стол полные чаши угощений со своего огорода, без всякого преувеличения, самого лучшего в Чаре.

Анатолия Емельяновича всерьез беспокоило освоение знаменитого Удоканского месторождения меди.

— Один из соучредителей Удоканской горной компании Эдвар

Вонг взял да и отказался от своих обязательств, понимаешь? А УГК вышла напрямую на правительство Российской Федерации. Но ближайший конкурент компании на тендере — австралийская Би-Эйч-Пи...

Под мои веки словно песку насыпали... После баньки и сытного обеда клонило ко сну. И слова Анатолия в цель не попадали. Выждав паузу в его красочном повествовании, я только и произнес:

— Коллега! Давай продолжим наш разговор завтра... А?

* * *

Пик Суровый ребята покорили. Как и предполагали, пирамидки или тура на нем не оказалось, так что не исключено, что они были первыми. Взошли на него Света Сологубова и Нина Полетаева. А Рыжий и Соловьев отыскали еще один безымянный пик, поднялись на него и на правах первопокорителей окрестили коротко и просто — “Русь”. Восхождение, рассказали позже ребята, было сложным, вершина пика — остроконечная, двоим не разместиться. Но они ухитрились даже соорудить там крохотный тур, под которым оставили записку о своей победе.

Уже тогда они мечтали о покорении новых вершин. Но в канун Нового года из Куанды сообщили, что Виктор Соловьев разбился... На сорок дней со дня его гибели в Тынде, на квартире у Владимира Гузия, собрались туристы и альпинисты, его друзья, пили вино и пели его любимые песни.

А я связался с кооператорщиками, которые сейчас по моему заказу делают памятник Виктору Соловьеву. Это будет разборная четырехугольная пирамида из “нержавейки”, помещающаяся в рюкзаке, с цветным портретом Виктора Соловьева на керамике и словами “ОН ЛЮБИЛ ГОРЫ”.

Вершина Южно-Муйского хребта с отметкой 3068 метров пока что не имеет названия и не исключено, что на нее не ступала нога человека. Виктор Рыжий поведет на нее нашу группу. И если восхождение завершится удачей, на правах первопроходцев мы будем иметь право дать ей название “пик Виктора Соловьева”.

Артемка тоже собирается с нами...

1994 г.

ОТ АВТОРА. Летом 1995 года, как и намечалось, наша группа взошла на одну из безымянных вершин Южно-Муйского хребта и на правах первовосходителей дала ей название Пик Соловьева. Памятник нашему погибшему товарищу венчает теперь эту вершину.